Плач по бородам

Желая поскорее преобразовать свой народ, Петр начал с наружного вида, приказав в замене русской одежды, носить немецкое платье и брить бороды. Между тем суеверные простолюдины крепко держались за старые нравы и обычаи, воображая, что перемена одежды и бритье бород вредят православию. Однако Петр не обращал на это внимания и, по возвращении своем из заграничного своего путешествия, принимая родовитых бояр и высших сановников вместе с простолюдинами, начал собственноручно обрезывать всем бороды, пощадив только двух самых старых бояр: Тихона Никитича Стрешнева и князя Черкасского. Затем на бороды наложен был штраф.

Князь Меншиков, желая угодить Государю, заказал для всех магистратских чиновников немецкое платье и накануне Пасхи, перед самою заутренею призвал их всех к себе и объявил, что будто бы Государь приказал, чтобы они тотчас или обрили бы бороды и оделись в немецкое платье, или готовились бы тотчас же отправиться в Сибирь. Чтобы еще более на них подействовать, он указал им на приготовленные подводы и объявил, что не позволит им даже проститься с женами и семействами, но тотчас же отправит в путь, если они вздумают противиться.

Тогда поднялся страшный вопль и рыдания. Испуганные чиновники бросились в ноги князя Меншикова и начали умолять его, чтобы он заступился за них у Государя, и объявили, что они готовы скорее претерпеть какую угодно казнь, чтобы только не брить бороды; что потеря бороды для них труднее, чем потеря жизни.

— Голов своих не потеряете, — отвечал им князь Меншиков, — но я не смею просить Государя, чтобы он переменил свой указ. Поэтому идите и садитесь в кибитки.

При этих словах в комнату вошли солдаты, готовые вести собравшихся к кибиткам. Суеверие однако было так велико, что чиновники согласились лучше ехать в Сибирь, чем лишиться бород. Однако, когда их вывели на двор, то один из них, моложе других и вероятно любивший свою жену, заливаясь горькими слезами, перекрестился и сказал:

— Буди воля Божья! Я согласен сбрить бороду.

Согласившемуся была тотчас же сбрита борода в присутствии всех остальных, думавших в это время о женах своих и семействах. Когда окончили брить одного, тогда и остальные все друг за другом, начали также соглашаться. Видя их согласие и в то же время горесть, князь Меншиков говорил:

— Нет в этом никакого греха, что волосы будут обрезаны, но в том грех, если будут заповеди Христовы и апостольские не сохранены; а одна из заповедей сих поучает, что противящиеся предержащей власти противятся велению Божию, «несть бо власть, аще не от Бога».

Окончив эту операцию, Меншиков повел чиновников в собор, где уже был Император, и поставил выбритых за клиросом. Государь не слыхал как они вошли и, увидев всех их в одинаковых кафтанах, не узнал. Подозвав к себе Меншикова, он спросил:

— Что это за люди?

— Это, Ваше Величество, члены здешнего магистрата, — отвечал князь.

Государь очень обрадовался, сошел с клироса, подошел к ним, похристосовался с каждым и очень благодарил их, что они для праздника так обрадовали его. На другой день праздника пригласил их к своему столу и во время обеда пил за их здоровье.

Этому Петр тем более радовался, что в Воронеже он никак не мог уговорить членов магистрата обрить бороды и одеться в немецкое платье. Члены-магистраты решились лучше платить штраф, нежели исполнить желание Государя. Петр на этот раз не настаивал, а решился предоставить это времени и воспитанию их детей.